

напрестольный старообрядческий крест конца XIX века, четырехсторончатый складень, два старообрядческих креста. По словам отца Аркадия старообрядческая община испытывает большую нужду в предметах культа. По причине многолетних гонений старообрядческие святыни сохранились с большим трудом. В церкви Покрова Пресвятыя Богородице собрались ее прихожане. Говорили о том, что прошло время, когда храмы разрушали, теперь их богатство вновь стекается на прежнее место.

Е.И. Нестерова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КИТАЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СОБРАНИЯ ВО ВЛАДИВОСТОКЕ (1908–1909 гг.)

В 1909 г., согласно официальной статистике, в Приморской области проживало 65409 китайцев, что составляло 12,5 % всего населения области. Реальная численность китайцев была значительно больше. Это дало основание авторам книги «Приамурье» утверждать: «Китайцев в крае массы. Китайцы строят церкви, продают в своих лавках иконы, обслуживают работу железной дороги, военного, морского ведомства» (1), а также, добавим от себя, служат писмоводителями, переводчиками китайского языка в различных государственных учреждениях. Со временем образовалась целая прослойка китайцев неплохо знавших русский язык, работавших в русских учреждениях, завязавших «полезные» знакомства с русскими чиновниками.

В 1912 г. исполнявший обязанности отдельного цензора по иностранной печати на восточных языках в г. Владивостоке А.Н. Занковский предпринял попытку анализа роли таких переводчиков в структуре русской администрации. Он отмечал, что контингент китайцев-переводчиков образовался и пополняется из, так называемых, боек, т.е. домашней и конторской прислуги, которая более-менее сносно освоила русский разговорный язык. Несмотря на то, что в крае появились собственные, русские кадры, знающие восточные языки, администрация не стреми-

лась использовать их знания, продолжая пользоваться более дешевыми услугами китайских переводчиков, пусть не всегда достаточно квалифицированных. А.Н. Занковский указал на порочность такой практики и выделил две главные причины. Во-первых, китайцы-переводчики, являясь иностранными подданными, были прекрасно осведомлены о внутриполитической ситуации в крае. Они изучают «входы и выходы официальной и закулисной сторон влиятельных сфер края благодаря личным знакомствам и связям». Во-вторых, эта категория служащих очень часто за определенную плату играла роль «ходатаев» за своих соотечественников, внося в среду последних «непоколебимую уверенность в силе подкупа, разлагавшего в них уважение к русской гражданской законности» (2).

Анализ документов позволяет выделить еще одну причину - зачастую китайцы-переводчики обзаводились высокопоставленными покровителями, благодаря доброму расположению которых, становилось возможным безнаказанное нарушение закона. Примером комбинации удачного стечения обстоятельств при наличии покровителей в русских властных сферах служит история открытия и существования во Владивостоке Китайского национального общественного собрания.

В Приамурском военно-окружном суде служили потомственный дворянин барон В.А. Остен-Сакен и китаец Ванютун (Вангутун): первый – помощником секретаря, второй – переводчиком китайского языка. И тот, и другой, судя по всему, были людьми предприимчивыми и не очень щепетильными в отношении закона. Так, в 1909 г. Ванютун состоял под следствием по обвинению в мошенничестве по поставке партии рабочих-корейцев на рудники Бринера по взятым на прокат паспортам.

Судя по документам, именно барон Остен-Сакен и Ванютун (Вангутун) стали инициаторами создания во Владивостоке Китайского национального общественного собрания. Конторщиком собрания состоял Перерва, до этого служивший околоточным надзирателем при владивостокском полицейском управлении, уволенный и преданный суду за взяточничество.

5 декабря 1907 г. барон В.А. Остен-Сакен представил военному губернатору Приморской области проект устава Китайского национального общественного собрания. Рассмотрев содержание устава, Приморское областное присутствие по делам об обществах и союзах, от-

клонило просьбу о регистрации собрания, мотивировав отказ тем, что текст устава не отвечает требованиям закона. 17 января 1908 г. приведенный в соответствие с законодательством Устав был рассмотрен областным присутствием под председательством военного губернатора и зарегистрирован. Открытие собрания омрачилось инцидентом с комендантом крепости Владивосток. В ответ на просьбу Остен-Сакена принять на себя звание почетного председателя собрания, комендант крепости направил 11 марта 1908 г. военному губернатору письмо, в котором высказал свое мнение о неуместности образования подобного собрания и просил не разрешать его открытия (3).

Тем временем, в марте 1908 г., на столбах и заборах Владивостока появились подписанные Остен-Сакеном и его сподвижниками объявления на китайском языке следующего содержания: «Доводится всем до сведения, что в настоящее время Владивостокский губернатор и полицмейстер открыли вместе казенный игорный дом. Желающих играть просим приходить когда угодно. Заведующие не могут делать препятствий» (3).

27 марта 1908 г. небольшая пауза, возникшая после письма коменданта крепости, завершилась официальным открытием собрания в доме 36 (дом Перевалова) по Алеутской улице. Однако, по свидетельству буфетчика собрания П.В. Миронова, китайская половина собрания была открыта еще 25 марта, а европейская – 30.

Не прошло и месяца, как полицмейстер обратился к высшему руководству области с ходатайством о закрытии собрания. Что же послужило причиной закрытия собрания, на открытие которого было потрачено столько сил и времени, и, которое просуществовало так недолго? Ответ прост и банален. Под вывеской китайского национального общественного собрания, целью которого было «доставление членам онога и их семьям и гостям проводить свободное время с пользой, удобством и удовольствием», был открыт банальный игорный дом, в котором велась игра в банковку и другие азартные игры. Согласно сообщению санитарного врача Порвотова «в помещении Китайского клуба до невозможности грязно, все комнаты набиты рабочими китайцами, играющими в азартную игру банковку; во всех 10 комнатах 15 столов с банковской, китайцев не менее 500 человек» (4).

Губернатор распорядился временно приостановить работу собрания, а 5 августа 1908 г. ввиду «безнравственного направления дея-

тельности» собрания оно было закрыто. Однако главный учредитель собрания барон Остен-Сакен не терял оптимизма. Он слегка подкорректировал устав, включив пункт о допуске в собрании только игр, разрешенных администрацией, вновь возбудил дело о его регистрации. Несмотря на традиционный бюрократизм и волокиту, новое ходатайство было удовлетворено с поразительной скоростью. 2 сентября 1908 г. устав был зарегистрирован.

Однако направленность развлечений в китайском собрании мало изменилась. Проверка, проведенная сотрудниками канцелярии приамурского генерал-губернатора в январе 1909 г., подтвердила не только факт игры в азартные игры, но и покровительство отдельных чинов полиции этому заведению. Так, у входа в собрание дежурил городской, а всего за счет собрания содержалось четверо городских. В момент проверки, 25 января, в гостях у Остен-Сакена находился пристав, который не мог не знать про характер игры. Вторичная проверка выявила и нарушения другого рода. Так, предусмотренная правилами входная плата (25 коп.) не взималась, фиксация количества посетителей была фиктивной - по записям значилось 64 человека, а протоколом зарегистрировано 159 чел. Зато с игроков взимались не предусмотренные правилами 2 руб. со стола за час игры. По свидетельству очевидцев, за короткое время в собрании проигрывались огромные суммы. Помощник полицмейстера Петров заявил, что служивший у него сыщиком китаец Ванголан проиграл там 1500 руб.

Остается только предполагать, с чем связана лояльность русской администрации к заведению подобного рода. Ведь согласно уставу губернатор, являвшийся почетным членом собрания, мог закрыть его «всегда, когда признает это нужным по дошедшим до него сведениям о беспорядках или каком-нибудь нарушении устава собрания».

-
1. Приамурье. Факты, цифры и наблюдения. М., 1909. – С.160.
 2. АВПРИ. Ф. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 759. С.46 – 47
 3. РГИА ДВ. Ф. 702, оп. 1, д. 644. С.5.
 4. Там же. Ф. 1, оп. 7, д. 890. С.20.